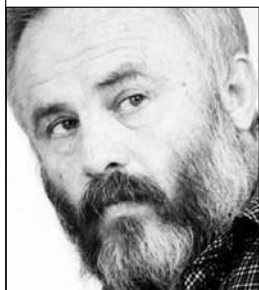

КУДА И КАК ИСЧЕЗЛА ШКОЛА?

Диалоги о будущей «нешколе»

Памяти Сергея Юрьевича Курганова

Сергей Юрьевич Курганов,
учитель начальных классов гимназии «Очаг», Харьков

Андрей Викторович Хуторской,
доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО,
директор Института образования человека, Москва

В статье обсуждаются педагогические системы Давыдова-Эльконина и Библера-Курганова, вводится понятие «нешкола», где нет уроков, звонков и перемен.

• школа диалога культур • школа-казарма • школа-тюрьма • нешкола
• отметки • власть взрослых над детьми • Научная школа человекообразного образования • Я.А. Коменский • Л.Н. Толстой • Л.С. Выготский

Сергей Юрьевич Курганов окончил математический факультет Харьковского пединститута. Как сотрудник знаменитой лаборатории Баданского-Репкина, участвовал в разработке курса математики для педагогической системы, получившей впоследствии название развивающего обучения. Вместе со своими коллегами историком Литовским, физиком Ямпольским, филологом Соломадиным в начале

1980-х гг. начал проводить первые уроки-диалоги (послужившие основой для книги «Ребёнок и взрослый в учебном диалоге»). Несколько позже вместе с философом Библером, психологом Берлянд, культурологом Ахутиным стал соавтором концепции Школы диалога культур. В 1986 г. переехал в Красноярск, взял первый класс в 106-й красноярской школе и одиннадцать лет

преподавал в ней. В 1998 г. вернулся в Харьков, работал учителем начальных классов в харьковской гимназии «Очаг»¹.

«Обучение диалогу — это обучение проблемам, — писал Курганов. — Большинство учебных диалогов отличается одной особенностью. Завершаясь, они как бы возвращаются к своему началу. Например, в конце учебного диалога о живом учителе наполняет класс глубокими и острыми проблемами, но не даёт их окончательного решения. Над этими проблемами учащиеся, возможно, будут думать всю жизнь».

Но всё это — официальная биография и строки из книг — не могут передать чего-то самого главного, из чего и складывался Курганов — неудобный, странный, безгранично любимый учениками, буквально заставлявший их думать, переживать, осмысливать и проговаривать осмысленное, спорить и рождать в спорах... нет, не истину в последней инстанции, а скорее повод для новых споров и обсуждений.

О живом и неживом он говорил с одним из классов, задав вопрос «живые ли игрушки?», а от него вполне логично перешёл к обсуждению условий, при которых игрушки «оживают» или «не оживают». Он вошёл малышом за школу, где начинаются волшебные «кособоры», старательно проверять, каковы приметы весны, зимы, осени, видим ли мы их, как мы их понимаем. Он читал с детьми не букварь, а Чуковский и рассуждал, почему звери испугались Тараканища, а воробей — не испугался. Он верил в границу между обычным лесом и лесом волшебным, увиденную одним из первоклашек, и шёл вместе с детьми проверять, так ли это².

¹ Курганов Сергей. Педагогика Сергея Курганова / Газета «Первое сентября» // URL: <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=200005505>

² Умер известный харьковский учитель Сергей Курганов // URL: <https://times.kharkiv.ua/2021/02/07/umer-izvestnyj-harkovskij-uchitel-sergej-kurganov/>

Шаталов написал книгу «Куда и как исчезли тройки?» и оценивал детей только хорошими и отличными отметкам и то есть, по сути дела, ещё в XX веке отметил отметки в старшей школе. Дети научились учиться победно.

В XXI в. надо написать статью «Куда и как исчезла школа?», где показать, что содержательное и интересное детям образование возможно не только без кнута надсмотрщика — отметки, но и без обязательного посещения уроков, звонков, дневников-кондуитов, без жалоб-кляуз родителям, фиксированного расписания, без лишнего администраторов (например, фигура завуча должна остаться в XX в. — завуч как таковой современному образованию совершенно не нужен).

Совковая школа XX в. уступит место нешколе XXI в. только тогда, когда взрослый перестанет приставать к ребёнку с отвратительными и бессмысленными вопросами: «А какой у тебя сейчас урок?», «А где твой дневник?», «А почему ты вчера не был в школе?» (захочет — сам расскажет, не захочет — правильно сделает — не тот человек спрашивает, кому довериться можно...), «А сколько ты вчера получил по физике?»

Андрей Викторович Хуторской: Сергей, вы знаете, что существует множество великодушных образовательных систем, доказавших свою человекообразность и эффективность: Сократа, Руссо, Толстого, Штайнера, Френе, Диалога культур и др. Почему, скажите, именно классно-урочная система Я.А. Коменского сотни лет является победителем?

Сергей Юрьевич Курганов: Уважаемый Андрей, Система Коменского сотни лет была победителем. Ни Давыдов, ни Библер её не трогали: и у того, и у другого речь шла о радикальном изменении содержания образования, форма же во многом оставалась прежней: сохранялся урок развивающего обучения (учебная дискуссия) (далее — РО), урок-диалог и пр. Сейчас

основной удар следует нанести именно по форме образования, то есть по *власти* взрослого над ребёнком в образовании — и РО, и школа диалога культур (далее — ШДК) эту власть только усиливали. Думаю, что задача системы Коменского была не столько в том, чтобы научить детей тому, о чём он замечательно пишет в «Мире чувственных вещей в картинках», сколько в том, чтобы жёстко (прежде всего интонационно) разграничить жизнь детей и жизнь взрослых, почти как в гетто, и построить такую форму, при которой взрослый осуществляет безраздельную власть над ребёнком. Давыдов, повторюсь, эту власть взрослого над детьми многократно усилил.

Андрей Викторович Хуторской: Например, ещё более простая и более эффективная система обучения в парах сменного состава (В.К. Дьяченко и др.). Там вообще учитель почти не нужен (вот бы нашему Минобру была бы экономия!). Виталий Кузьмич незадолго перед уходом подарил мне свой двухтомник по дидактике. Он считал, что дидактика как наука должна опираться на материальную основу, которой является коллективное сотрудничество.

Коменский предложил систему, которая позволяет решать задачи многих заказчиков образования.

Сергей Юрьевич Курганов: Мне кажется, учение — это и не труд, и не развлечение. Это именно учение, и оно должно быть всегда очень интересным, иначе приносит большой вред. Конечно, отметки сразу отменить не удаётся. Сопротивление традиционной школы очень велико. Для начала надо объявить, что отметки ставятся «педагогически целесообразно», затем, если у Вас в стране 12-балльная система, то сказать, что отличники — это те, кто учится на 12, 11 и 10, хорошисты — на 9, 8, 7. Отметки ниже 6 никогда не ставить. Как можно чаще ставить отметку 12. Глядишь, роль отметки станет равной почти нулю, а начальство ничего и не заметит. По чтению, литературе, природоведению, географии, биологии, физкультуре, труду, рисованию и пр. ставить всем только 12. Особенно важно, чтобы отметка по сочинению за содержание была только 12. Разные отметки ставить только по математике, языкам — не-

сколько снижая (не очень сильно) за ошибки в грамотном письме. Уроки проводить по 25–30 минут, в остальное время плюс перемена быстро проверять тетради и сразу их раздавать. Подробно рецензировать работы, приводить правильные решения, делиться своим личным навыковым «ноу-хау», вести письменный диалог, письменно шутить, получать письменные ответы учеников, никогда не пользоваться дневником ученика для выставления в нём отметок, никогда не обсуждать отметки с родителями и другими учителями — постепенно письменный диалог в тетради ученика станет важнее цифровой отметки. *Анархизм* — это важнейшее для XX в., и особенно для XXI в. социально-политическое учение, очень продуктивное и позитивное, как мне кажется.

Ещё о школе и нешколе.

1. Школа ведь умирает. Рождается нешкола. Мой последний опыт четырёхлетней «нешколы в школе» — осталось ещё совсем чуть-чуть, и можно будет подробно рассказывать — обнаруживается: если XX век делал акцент на содержании образования — и так возник, в частности проект Библера «Школа диалога культур», то XXI век делает акцент на *форме* общения детей и взрослых в «нешколе». Такой корчаковский, шулешкинский, соловейчиковский акцент.

2. Если продолжать акцентировать содержание, пусть самое диалогическое, культурное и пр. — но сохранять безраздельную власть взрослых над детьми, которая так возмущала Корчака и Шулешко — то диалог культур, с помощью которого взрослый в школе управляет духовной жизнью детей, извне задаёт принятые культурно-диалогические нормы, формы и ценности, опираясь на лидирующую группу учащихся, разделяющих «библеровско-бахтинские» ценности взрослого, на цифровую отметку, которой учителю позволительно

оценивать даже сочинения, на жёсткое, не детьми придуманное расписание, на культ книги, который отнюдь не склонны исповедовать современные подростки, на уроки-диалоги, длящиеся 45 минут (в XXI в. невыносимо!!! — не более 20 минут с резким перерывом на игру в футбол или ещё на что-нибудь: интеллектуальные диалоги, длительно и систематически ведущиеся по инициативе взрослого с современными подростками, разрушают их разум, не дают сформироваться разуму XXI в., тянут подростков в отживший и уже не актуальный XX век) — с помощью диалога культур можно только усилить наиболее деспотические тенденции современного образования.

3. Скажу резче и определённое — наблюдения за тем, что делают учителя-диалогисты в XXI в., чтение того, что пишут ближайшие ученики Библера, размышляющие об образовании, приводит меня к следующей гипотезе. В XX веке Школа диалога культур — блестящий научный и человеческий прорыв, источник вдохновения многих героических деяний философов, психологов, педагогов, старшекласников, студентов, — разделившись в XX в. идеи В.С. Библера. Но в XXI в. Школа диалога культур, перетакенная в совсем иной век без принципиальных и радикальных изменений, является наиболее архаической, наиболее реакционной, наиболее тормозящей развитие российского, украинского, мирового образования идей и практикой. Каждый век должен выдумывать свои логико-педагогические идеи. Школу диалога культур необходимо оставить как музейный экспонат педагогики XX в. Разумеется, в отношении Школы Давыдова-Эльконина эта гипотеза верна в той же степени, да это многим очевидно — Развивающее обучение, идеи Давыдова и Эльконина не пережили свой век и должны уйти на покой, освободив место для иных разработок (возможно, идущих тоже от Выготского, но через голову Давыдова и обоих Элькониных).

4. Конечно, не все утопические инновационные проекты, актуальные и эффективные

в XX в., нужно оставить в XX в. и перевести в статус музейных экспонатов (что очень важно: позиция историка XXI в. — это позиция превращения в исторический музей утопических проектов, которые в XX в. практически осуществлялись — этому я посвятил большую работу «Я поведу тебя в музей...»). В музейные экспонаты необходимо перевести, в первую очередь, утопический проект РО Давыдова-Эльконина и утопический проект ШДК Библера-Курганова. Продолжение их практической реализации в XXI в. (в целостном виде или в эпигонском варианте, когда утопический проект РО или ШДК осуществляется частично, с оговорками и пр.) есть, как мне кажется, последняя надежда школы-казармы, школотюрьмы удержаться и не дать осуществиться нешколе XXI в. — без уроков, звонков, оценок, учителя в качестве фюрера, лидирующей группы детей, подавляющей остальных детей и т.д. Сохранение в *любом виде* (кроме музейно-педагогического) в XXI в. РО Давыдова-Эльконина и ШДК Библера-Курганова есть глубоко реакционная, тормозящая развитие педагогики XXI в. идея. Эти школы в XXI в. *мёртвы*, и попытка продолжать их реализацию (в любом виде) будет ситуацией, когда мёртвые хватают живого. Я могу это детально показать и, если хотите, опубликовать здесь мои теоретические размышления и педагогические наблюдения над тем, что делают эпигоны РО и ШДК в XXI в., спасая школу-казарму, школотюрьму, утверждая роль учителя-фюрера, подавляющего самостоятельное мышление и волю детей, лидирующие (фюрерские) группы, которые осуществляют волю учителя-фюрера, интеллектуально и морально подавляя любое инакомыслие, кроме того, имитационного стиля «немысли», который предлагается эпигонами РО и ШДК в качестве единственно возможного.

5. Есть педагогические направления, которые начали своё существование в XXI в., но были оттеснены Давыдовым и его группой на периферию теоретических дискуссий в научных журналах.

Эти направления весьма эффективны и демократичны. Прежде всего — это нешкола Шулешко — истинная нешкола XXI века. По своим педагогическим замыслам она близка к интенциям Корчака, Соловейчика, «Педагогики сотрудничества» и перпендикулярна элитарно-аристократическим, селективным интенциям РО Давыдова-Эльконина и ШДК Библера и его нынешних эпигонов. За концепциями, подобными нешколе Шулешко — будущее. А ШДК и РО останутся в прошлом и будут изучаться учёными-специалистами и студентами педуниверситетов, но воспроизводиться в нешколе XXI века не должны, как мне кажется. Но это пока только моя гипотеза. Доказательства — впереди.

6. «Фюрер» — это по-русски «вождь». Если будет сказано так: РО и ШДК необыкновенно усиливают в школе учителя-вождя и корпоративную группу-лидера (группа «А» по Г. Цукерман) в ущерб (и против) других детей, то, может быть, Вам это не будет очень резать слух. Но «фюрер-принцип» — отличный и хорошо проработанный термин. Я взял его из известной книги о музыке «Маэстро-миф. Великие дирижёры в борьбе за власть» Нормана Лебрехта.

7. То, что современная школа является тюрьмой для ребёнка, — это общее место педагогической публицистики. Нетривиально в моём утверждении, видимо, то, что наиболее опасной тюрьмой для ребёнка XXI века является инновационная школа, то есть та, которая была самой прогрессивной в XX в. А самыми реакционными инновационными школами XXI века я считаю РО и ШДК, точнее то, что сделалось с ними в XXI в. Это очень часто бывает: прогрессивное в своё время является самым реакционным во времени ином.

8. Задача развития мышления — замечательная задача. Но Выготский убедительно показал, что формирование теоретического мышления в младшем школьном возрасте принципиально невозможно: выращивание теоретического мышления аккуратно и осторожно может быть начато лишь в подростковом возрасте. Резко разорвав с Выготским в одной из глав «Видов обобщения» (первые ученики Выготского только и делали, что время от времени принципиально разрывали с Выготским), Давыдов попытался опровергнуть доказанное Вы-

готским и построил в младшем школьном возрасте так называемую учебную деятельность, предметом которой является имитация теоретического мышления, да и то доступная только 25% детей. Божович, споря с Давыдовым в своей знаменитой монографии о личности, показывала, что никакие учебные задачи (в смысле Давыдова-Эльконина) в младшем школьном возрасте невозможны, их принятие осуществляется лишь формально-имитативно, что и доказывает весь опыт РО по математике и языку в начальной школе.

9. Библером и мною, в свою очередь, в работах 70–90-х гг. был неверно определён возраст сдвига сознания к полюсу (диалогического) мышления. Так называемые «точки удивления» не могут быть выращены в младшем школьном возрасте, так как выращивание диалогического мышления также может быть начато только в подростковом возрасте. В 1–2-х классах ШДК так называемые «точки удивления» по Библеру-Курганову представляют собой имитативные формы, которые принимаются тоже около 25% детей, которые образуют «фюрер-группу» теперь уже в ШДК. Упрямое культивирование «точек удивления» в начальной ШДК приводит к той же картине, что и в РО: 5–6 детей-активистов по заданию учителя или по вопросу, заданному учителем, обмениваются умными репликами, угадывая ту форму, которая дорога учителю, остальным детям это глубоко чуждо. Да, дети из лидирующей группы РО отличаются от детей лидирующей группы ШДК (они имитируют другие формы квази-мыслительного общения, которые требуют — для захвата звукового пространства и власти в классе — других, чем в РО, психологических особенностей), но принцип жизни детского сообщества тот же: и РО, и ШДК активно и агрессивно разобщают детей и позволяют учителю-инноватору удерживать власть над ними, продлевая существование умирающей школы-тюрьмы.

10. Важно, что в это же время такими исследователями, как Е. Шулешко, А. Юшков и др. предлагались диалогические формы общения, гораздо более демократические и гуманные, чем те, которые были приняты в классических версиях РО и ШДК.

За этими, близкими к педагогике сотрудничества и к Корчаку, формами учебного общения — будущее.

11. Не случайно, что Симон Соловейчик очень долго не мог принять ни РО Давыдова-Эльконина, ни ШДК Библера-Курганова, так как обе эти концепции казались великому педагогу и журналисту элитарными. Мне приходилось в долгих беседах разубеждать Соловейчика, он походил на уроки-диалоги ко мне и к учительницам РО, его позиция постепенно смягчалась — но теперь выясняется, что прав-то был Соловейчик — РО и ШДК не разделяли тогда (речь идёт о приезде Соловейчика ко мне в гости в Харьков в 1987 г.) идеалов и целей Педагогики сотрудничества, а воплощали в жизнь методы элитарной селективной педагогики, разобщающей детей.

Хуторской Андрей Викторович:

Сергей, ваши 11 пунктов — это диалог или недиалог?

Сергей Юрьевич Курганов: Это приглашение к диалогу.

Хуторской Андрей Викторович: Сергей, я считаю, что ваша «нешкола» в определённой степени относится к *любой* узкозаданной школе. К ШДК — тоже. Например, исходя из диалектики не может быть диалога без монолога, а в ШДК место монологу как-то не определено.

Именно потому проект РО Давыдова-Эльконина и проект ШДК Библера-Курганова — утопические, что они суживают образовательный потенциал ученика до «правильного» — в логике данных проектов.

Такой феномен можно обнаружить *в любой*

системе обучения, пусть даже и суперсвободной (Руссо, Л.Н. Толстой). Я в своё время только спустя 2 года изучения вальдорфской антропософской системы (у зарубежных, а не нашенских специалистов) пришёл к пониманию, что вальдорфская школа при **ОЧЕНЬ** свободных и человекосоответствующих принципах, на самом деле очень жёстко задаёт вектор образования.

Поэтому, любая школа с приставной спецификой (свободная, развивающая, диалогизирующая, вальдорфская, эвристическая и др.) — не есть школа.

А есть лишь технология, признанная ведущей. Настоящей школой и являющейся ею может быть только просто *школа*, в которой всему может быть место, в том числе в разные периоды её существования.

Сергей Юрьевич Курганов: Дорогой Андрей, я с этим согласен, именно это я и хочу сказать. Именно поэтому сейчас стоит сделать акцент на форме, а не на содержании инновационного образования.

Нешкола в школе, или куда и как исчезали урок, звонок и перемена

Попробуйте начать с малого: отмените урок, звонок и перемену.

Предположим, вы учитель четвёртого класса начальной школы. Это значит, что вы контролируете большую часть учебного и неучебного времени, например, 5 часов математики, 4 часа родного языка, 3 часа чтения, 2 часа природоведения. Вы не контролируете физкультуру, пение, рисование, труд, иностранный язык. Ваших 14 часов достаточно для эксперимента по уничтожению школы.

Как это делается? Сначала вы сокращаете свои уроки от 45 минут до пятнадцати. Если вы хотите, чтобы государственные экзамены в конце начальной нешколы ваши дети сдали лучше (а не хуже)

других, вам придётся рассказывать ярче, выделять главное, не растрчивать время по пустякам, чаще использовать модели, продумывать интересные для ваших детей сценарии учебных 15-минут. При этом стоит помнить, что математика в любом её виде интересна только четверти ваших детей, лингвистика — практически никому (лингвистику стоит начать в 12–13 лет), чтение и природоведение, как правило, интересны всем (при более-менее человеческом их преподавании), письменная речь (то есть написание своих текстов по собственной инициативе) необыкновенно интересно всем.

Вы приходите на первый неурок. Не обращаете внимания на звонок. Не обращаете внимания на так называемые опоздания. С удовольствием занимаетесь своими делами (например, читаете книгу Януша Корчака «Когда я снова стану маленьким»), не глядя на детей.

Дети быстро отучаются задавать вопросы типа «Какой у нас сейчас урок?» и начинают учиться (друг у друга) заниматься своими интересными для них делами. Обычно в классе есть хотя бы один «профессиональный» футболист — он сразу начнёт (или продолжит в более широких масштабах) спланировать футбольную команду. Разрешите этим детям выйти на улицу и в школьном дворе определить своё место для тренировок. Уже к поздней осени футболисты и футболистки будут посещать это место при любой погоде, так как на школьных соревнованиях будут регулярно побеждать старшеклассников — у тех для тренировок на свежем воздухе очень мало времени: они всё время сидят за партами.

Другим детям позвольте играть в «майнкрафт». Это — забавная игра, в классе появится несколько компаний, которые будут не просто играть, но и очень интересно обсуждать принципы игры — и это гораздо более живой и демократичный способ овладения рефлексивным поведением в группе ровесников, чем доступное лишь очень немногим детям (25% по Г. Цукерман) решение учебных задач в системе Давыдова-Эльконина.

Ещё одна группа детей у вас начнёт заниматься кино XX в.: снимать фильмы, выставлять их в интернете, создавать клубы фанов и пр.

Обязательно поучаствуйте в этой работе, если дети вас пригласят в свою группу во «ВКонтакте» — как зритель, как участник, как актёр, как рассказчик о фильмах (не нужный, без многобуквия), но не как режиссёр.

Если у вас есть хотя бы одна классическая балерина, циркачка или художественная гимнастка — можете быть уверены, что быстро образуется маленький танцкласс — девочки будут уходить в зал на втором этаже, где с популярными мальчиками будут ставить вальсы, польки и брейк-дансы — прежде всего для себя, а для грядущих общешкольных праздников. Если есть хотя бы один «профессиональный» актёр — вы быстро получите детский театр: актёр, которого в студии учит настоящий режиссёр-взрослый. захочет построить свой театр ровесников. Вам не стоит соваться на репетиции — разве что по настоятельной просьбе четвероклассников и только в качестве зрителей. Но уж если детям очень захочется вас в качестве актёра — ну сыграете (только очень хорошо!) В школе-тюрьме всё это немыслимо, так как в школе-тюрьме дети очень заняты — они учатся на 45-минутных уроках, сидя в согбенных позах, и в подавляющем большинстве случаев то, чему они учатся. Им и не нужно, и неинтересно.

Будут группы, которые просто играют в игры (например, в контакт). Группы быстро меняют с вой состав, они динамичны, в школу детям ходить становится очень интересно — они ходят не на нудные длинные уроки, а в эти группы. Занятия, продолжающиеся 15 минут, занимают скромное место в жизни нешколы. Именно поэтому впервые возникает шанс на этих пятнадцатиминутках настоящей (детско-взрослой) математики для всех, литературы для всех, настоящего писательства (письменная речь, как собственное дело ребёнка, а не записывание «мыслей по принуждению»). Могут завязываться и короткие диалоги,

но только если они начинаются по инициативе ребёнка и не являются той «нормой», которую из детей вытягивает взрослый по принуждению, как в печально знаменитых опытах РО по Давыдову и ШДК по Библеру. Интересно детям общение с природой. Но не «загадки природы», приводящие к «диалогическим понятиям», а походы, туризм, ориентирование (целостная жизнь, вместо нудных «уроков», в том числе и «уроков-диалогов», жизнь, в которой рождаются математические миры и биологические предметности, жизнь, не загнанная в удушливую классно-урочную систему, пусть и трижды «диалогическую»). Интересно, что ориентирование как бытие один на один с неосвоенным пространством (и временем) было изгнано в 20 веке и из РО, и из ШДК. К ориентированию иронично относился Библер, пропагандист «Загадок числа», где число появлялось только в классной комнате и — в утопической «Бумажной школе» — на кончике пера, и ученики Давыдова, которые в конечном счёте без него обошлись в своих программах по математике.

Если вы не уводите детей из тюремно-казарменной школьной коробки, то есть если плохая погода или ваших неуроков в этот и день по расписанию немного, то поступайте так. Когда вы чувствуете, что вроде бы пора сменить ритм и *рискнуть* провести 15-минутное занятие (слово «урок» стоит забыть), вы готовите школьную доску к занятию, записываете домашнее задание (оно непременно остаётся в нешколе!) и идёте на улицу, в школьный двор, где вежливо уговариваете футболистов (пионерболистов, баскетболистов...) пойти немного позаниматься. Они приходят — для других это знак, что и их сейчас вежливо попросят «немного позаниматься». Лучше, чтобы 15-минутное занятие проходило не в самом конце 45-минутки школы-тюрьмы, а вы разрешаете «сдать тетради» (они сохраняются в нешколе!) за 5–10 минут до общетюремного «звонка» — тогда футболисты его не услышат, а остальные, увлечённые настольным играми — не заметят.

Нешкола в школе: опыт 4 «Б» класса гимназии «ОЧАГ» (Харьков, 2015–2016 учебный год)

1. Если следующий тюремно-общешкольный 45-минутный «урок» не ваш, вы приглашаете футболистов в класс за 5 минут до его начала. Воспитывать и агитировать других учителей — дело, как мне кажется, бессмысленное и ненужное. Или они сами выберут со временем вашу (или свою собственную) форму нешколы, или станут естественной альтернативой нешколы в школе, что тоже очень и очень неплохо (нешкола не должна догматизироваться и выступать как панацея, а может в длительном сосуществовании со школой делом и без ненужной рекламы доказывать свою прогрессивность).

2. Неизбежные в начале мелкие конфликты с завучами («Какой у тебя сейчас урок?», «Ты что, звонка на урок не слышал?» и т. д.) и уборщицами («Без конца бегают то на школьный двор, то обратно в класс!») быстро научат ваших ребят не задерживаться в школьных тюремных коридорах, а дружно и шустро вылетать («Дети должны летать!» — любил говорить Шулешко), в школьный двор — на стадион. До стадиона никакие завучи обычно не доходят — в школе-тюрьме дел очень много, должность надсмотрщиков — «ножек трона» — ответственная и важная. Впрочем, в нешколе 21 века завучей как таковых скоро не будет — этому я посвятил отдельную главку «Куда и как исчезли завучи?»

3. Ваших детей будут ловить и наказывать именно в тюремно-школьных коридорах: даже до актового зала, в котором ваши дети во время тюремных сорокапятиминутных «уроков» от звонка до звонка играют в классические или современные танцы и до спортивного зала, в котором другие ваши дети в это время, в тайне от учителя физкультуры («Зал должен проветриваться, когда в нём нет официальных уроков!») играют в минифутбол, завучи не добираются. Поэтому научиться

быстро и тихо перемещаться мимо завучей и уборщиц в школьно-тюремных коридорах ваши дети должны научиться как можно более качественно.

4. В очень плохую погоду хорошая футбольная команда может тренироваться в классе! Это великое изобретение Дани! Если вы играете в мини-футбол с низенькими воротиками (в спортзале), то дети учатся не поднимать мяч высоко (за попадание мяча в потолок учитель физкультуры назначает пенальти!). Поэтому ваши мини-футболисты не попадут в оконное стекло (проверено годичным опытом 4 «Б» класса!). Футболисты и общающиеся между собой по поводу правил и теоретических оснований компьютерных игр майнкрафтисты успешно разделяют пространство в классной комнате: часть пространства освобождается, превращаясь в изящное поле для мини-футбола, вторая часть обустраивается удобно для групповых и (или) индивидуальных игр в «Майнкрафт».

5. Парты двигаются, интересы разных младшеподростковых (4-й класс!) групп согласовываются. Не забывайте: это именно младшие подростки, хотя и формально расположенные в пространстве-времени начальной школы. Самостоятельно (а не по воле Г.А. Цукерман) ежедневно обустраивать архитектурное пространство собственной нешкольной жизни для младших подростков — дело очень и очень полезное. Обычно здесь появляется «профессиональный» архитектор-ребёнок, чертежи, планы — этому мальчику (у нас это был тот же Дания) стоит подбросить книгу Корбюзье — он с удовольствием будет с ней сверяться. Появление (Миша, Степа и др.) на первых порах многоэтажных конструкторов из школьных парт и детей, которые играют на компьютерах, сидя на шкафчиках для одежды (Костя, Тимур), а также балерины (Маша), циркачки (Рада) и художественные гимнастки (Майя), которые, разувшись, выполняют свои упражнения на партах и подоконниках и там же их обсуждают, вас не испугает — это необходимый авангардизм скоро (к сожалению!) проходит.

6. На государственном экзамене девочки (Майя, Маша, Рада) объединились с двумя мальчиками, догадавшись, что из двух парт

можно выстроить круглый стол и сидеть не спиной друг к другу, а лицом к лицу. Обычно эту великую антишкольную идею подсказывает учитель развивающего обучения, и не в 4-м классе, а в первом. «РОшники» переняли эту манеру у Евгения Шулешко. У нас дети сами до этого дошли, только столкнувшись с волнением на экзамене и захотев так поддержать друг друга.

7. Дети иногда заигрываются, желая похвастаться своим отличием от других. И быстро убеждаются, что это приводит к острым, завистливым и никому не нужным конфликтам с завучами и другими учителями, которые, может, и хотели бы жить не в тюремной камере. Но смелости не хватает. Впрочем, редко, но встречаются тюремщики принципиальные. Дети быстро начинают понимать, что жизненные изменения лучше производить локально, эволюционно, тихо-тихо, но упорно и принципиально, но не глобально, революционно, громко, а поэтому — вынужденно (после очередного конфликта с начальством) компромиссно. Если не трогать остальную школу, эта ленивая тюрьма ваших неучеников сама по себе не тронет (проверено опытом).

8. Помимо описанного выше *одного* конфликта с учителем украинского языка, быстро снятого и более не повторявшегося, у нас был, кажется, один (за год активного существования нешколы в школе!) конфликт с завучем. Дело было так. Мальчики заигрались в очень грязную погоду и измазали грязью стены любимой школы. Это заметил учитель физкультуры и предложил стену помыть. Мальчики взялись за работу, уйдя при этом с неурочка, который проводил я. Пятнадцать минут занятий уже прошли, и дети занимались, чем хотели. Всё было бы хорошо, но с Мишей и Даней в знак солидарности решили отправиться смыть грязюку самые чистенькие девочки: балерина Маша, циркачка Рада

и художественная гимнастка Майя. После работы девочки, кажется, впервые, вымазались (случайно) и решили довершить картину эстетически: обмазали свои лица и лица мальчиков этой самой грязью и нарядились индейцами. Когда дети в таком виде пришли в класс, их хвалили и ими восхищались. Но пятёрка индейцев решила выйти из школы и покрасоваться перед всеми (во время неурока!). Тут их и поймала завуч, задав классический вопрос: «Какой у вас сейчас урок?», на что Миша наивно ответил, что урок продолжался 15 минут,

а теперь все остальные или играют в футбол, или в майнкрафт на компьютерах. Так завуч узнала (в апреле!) о существовании нешколы. Чтобы помириться, мне пришлось написать завучу огромное письмо о судьбе моих детей в грядущем пятом классе, при этом письмо превратилось в педагогическое футурологическое исследование, жаль, что я не снял с него копию.

Полная версия диалогов доступна в интернет-журнале «Эйдос» (<https://eidos.ru/journal/>). **НО**

Where And How Did The School Disappear? Dialogues About The Future «Non-School»

In Memory Of Sergey Yur'yevich Kurganov

Sergey Yu. Kurganov, primary school teacher, Kharkov

Andrey V. Khutorskoy, Doctor of Pedagogical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Director of the Institute for Human Education, Moscow

Abstract. Discussion of the pedagogical systems of Davydov-Elkonin and Bibler-Kurganov. E.E. Shuleshko's non-school as one of the effective and democratic pedagogical directions. Non-school at school: cancellation of lessons, bells and breaks (on the example of the private gymnasium «HEARTH»).

Keywords: school of dialogue of cultures, school-barracks, school-prison, non-school, marks, power of adults over children, Scientific school of human-like education, Ya.A. Komensky, L.N. Tolstoy, L.S. Vygotsky.

Spisok ispol'zovannykh istochnikov

1. Kurganov Sergej. Pedagogika Sergeya Kurganova / Gazeta «Pervoe senyatybrya» // URL: <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=200005505>

2. Umer izvestnyj har'kovskij uchitel' Sergej Kurganov // URL: <https://times.kharkiv.ua/2021/02/07/umer-izvestnyj-harkovskij-uchitel-sergej-kurganov/>